

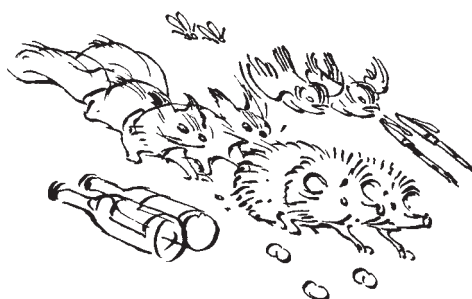
БОЛЬШАЯ
ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ
СЕРИЯ

КИР БУЛЫЧЕВ

КИР БУЛЫЧЕВ

**Звездолет
в лесу**

ЗВЕЗДОЛЕТ В ЛЕСУ
ФОТОГРАФИЯ ПРИШЕЛЬЦА
ЧЕРНЫЙ САКВОЯЖ
ГЕРКУЛЕС И ГИДРА
ИНОПЛАНЕТЯНЕ

Фантастические повести

ИЛЛЮСТРАЦИИ
ЕВГЕНИЯ МИГУНОВА

Издательство
АЛЬФА-КНИГА
Москва
2016

УДК 82-312.9(02.053.2)
ББК 84 (2 Рос=Рус)6-445я5
Б90

- Булычев К.**
Б90 Звездолет в лесу: Звездолет в лесу; Фотография пришельца; Черный саквояж; Геркулес и Гидра; Инопланетяне: Фантастические повести / Ил. Е. Мигунова. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2016. — 284 с.: ил. — (Большая иллюстрированная серия).

ISBN 978-5-9922-2226-5

В сборник Кира Булычева вошли пять повестей: «Звездолет в лесу», «Фотография пришельца», «Черный саквояж», «Геркулес и Гидра» и «Инопланетяне».

В первой повести трое отважных ребят — Сева, Олег и Марина спасают от жестоких кренгов, жаждущих захватить всю Галактику, маленького пришельца Дэ, который пытается предупредить галактический патруль о грозящей опасности.

В повести «Фотография пришельца» странные события происходят на обычной детской площадке во дворе дома. Из соседнего леса принесли ненужный металлический хлам, который ржавел там много лет, и попытались устроить из него детский городок, но оказалось, что странная железяка хранит в себе тайну из далекого будущего, с таинственной звезды Барнарда.

События повести «Черный саквояж» разворачиваются детективно-фантастическим образом. На Землю под видом людей прибывают инопланетяне, чтобы похищать у землян их идеи, изобретения и даже сильные эмоции... А для хранения похищенного используется с виду обыкновенный черный саквояж, который на самом деле является накопителем чувств.

В повести «Геркулес и Гидра» археологи придумали прибор, который в любом предмете или его обломке пробуждает память его первоначального вида, что очень полезно для их изысканий, но некоторые алчные персонажи поспешили завладеть этим изобретением...

В последней повести инопланетяне решили побаловать землян исполнением всех их желаний, что совсем не пошло людям на пользу.

В издании воспроизводятся 53 иллюстрации самого известного иллюстратора Кира Булычева — Евгения Мигунова.

УДК 82-312.9(02.053.2)
ББК 84 (2 Рос=Рус)6-445я5

ISBN 978-5-9922-2226-5

© Кир Булычев, наследники, 2016
© Мигунов Е.Т., наследники, 2016
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2016

ЗВЕЗДОЛЕТ В ЛЕСУ

Когда Сева и Олег выбрались из последней, самой глубокой пещеры, солнце уже спряталось в сизую подушку облаков, которые поднялись ему навстречу из-за горизонта. От мрачного елового леса на том берегу Вятки потянуло подвальным холодком, а из кустов, как истребители, вылетели первые комары.

Сева спустился по песчаному откосу к воде, спрятал в рюкзак фонарь, потом разложил новые находки на газете рядом с трофеями, найденными в других пещерах.

Олег догнал друга, сбросил на песок рубашку, разбежался, с размаху влетел в воду и саженками поплыл к другому берегу.

— Окунись, академик! — крикнул он с середины реки. — Такой сказочной воды в этом году больше не дадут!

Сева не ответил. Он любовался сокровищами. Перед ним лежали три кремневых наконечника стрел, таинственный круглый камень с дыркой в центре, окаменевшая кость и десяток кремней, которые могли быть орудиями древнего человека, а могли оказаться просто камнями. Неплохая добыча для однодневной экспедиции. И если бы Олег серьезнее относился к науке, находок было бы больше.

Но Олег — человек несерьезный. Из-за него экспедиция трижды срывалась, потому что в последний момент возникали совершенно неотложные дела. Беда Олега в том, что он интересу-

ется всем на свете, а это, с точки зрения Севы, означает, что он не интересуется ничем. Кроме того, Олег слишком много энергии уделяет борьбе с бабушкой, на попечении которой его оставили родители, уезжая в отпуск.

Сева же увлечен в настоящее время только проблемой происхождения человека и не отвлекается на посторонние мелочи.

В этом главное различие между друзьями. Хотя есть и другие.

Например, высокий, сутулый, мягкий и рассудительный Сева отлично учится, презирует телевизор и читает энциклопедию том за томом.

Смуглый, верткий Олег не может усидеть на месте больше минуты, а книги читает с последней страницы. Если она понравилась — может быть, прочтет книгу с самого начала. Если нет — все равно уже известно, чем кончилось.

Дружат эти непохожие люди со второго класса, уже шестой год, и почти во всех спорах побеждает Сева. Может быть, потому, что Олегу надоедает сопротивляться.

У Севы созрела теория, что самые первые люди произошли от обезьяны не в Африке, а здесь, в окрестностях небольшого города Крутояра. Но эта теория требует доказательств. Поэтому, когда один рыбак сказал, что километрах в семи от города, в высоком обрыве над Вяткой, он видел пещеры, Сева понял, что до конца каникул он обязан их исследовать. Десять дней он ломал пассивное сопротивление Олега, пока тот не сдался. И вот сегодня, поднявшись на рассвете, они по холодку добрались до пещер.

Олег предпочел бы отыскать в пещерах древнюю кольчугу или сундук с драгоценностями, поэтому он был несколько разочарован находками. Сева же был счастлив — никакой сундук не сравнится бы с кремневыми наконечниками стрел. В этом и заключается различие между наукой и кладоискательством.

Пока Олег нырял, плескался и фырчал, наслаждаясь парной водой, Сева вытащил из рюкзака припасенные газеты, завернул каждый камень отдельно, потом разломил пополам последнюю булку, разрезал колбасу и крикнул:

— Олег, вылезай! Скоро темнеть начнет. Ужин на столе.

— Сейчас, — ответил Олег и снова нырнул.

— Не сейчас, а немедленно, — сказал Сева. — Меня не радует перспектива ночевать в лесу.

— Почему?

— Комары сожрут.

— Мы в воде отсидимся, — ответил Олег. — Или доберемся до дому вплавь.

Сева не стал отвечать на эти глупости, а сказал:

— Я тебе оставил половину пищи. Если не вылезешь, сам съем. Ты меня знаешь.

— К сожалению, знаю, — согласился Олег. — И кто только меня воспитывает!

— Если тебя не воспитывать, ты превратишься в обезьяну.

— Вылезаю, — сдался Олег и поплыл к берегу.

И в этот момент Сева увидел, как в темный лес на том берегу опускается космический корабль.

Корабль спускался медленно, по касательной. Вдруг он на мгновение завис на месте и вертикально рухнул вниз.

— Ты чего? — удивился Олег, выходя из воды. — У тебя глаза квадратные.

— Обернись, — медленно сказал Сева.

Олег послушно обернулся. И, разумеется, ничего не увидел.

— Ничего, — сказал он. — Что случилось, старик?

— Сбылась мечта человечества, — медленно произнес Сева. — К нам прибыли пришельцы из космоса.

— Слушай, ты перегрелся? — Олег вышел на берег, еще раз обернулся, снова ничего не увидел и нагнулся за рубашкой.

— Это был не земной аппарат. — Сева говорил как во сне. — Я все земные знаю. И наши, и американские. Это была самая настоящая летающая тарелочка. И она села в лесу.

— Если села, чего ж ты мне не крикнул?

— Я крикнул. Но поздно. Ты не успел обернуться.

— Ладно, прощаю. А далеко эта тарелочка села?

Олегу хотелось поверить Севе, тем более что Сева принципиально не врал. Он как-то объяснил другу, что честному спокойнее жить, не надо стараться придумывать — экономия мыслей.

— Трудно определить. В километре. Может, больше. У пришельцев что-то неладно с двигателем.

— Тогда пошли, — сказал Олег. — Чего мы ждем?

— погоди. У нас нет опыта встречи с пришельцами.

— А у кого он есть?

— Наш долг обратиться к специалистам, — без уверенности в голосе сказал Сева. — Мы не имеем права бросаться в авантюры.

— А если очень хочется?

Севе тоже очень хотелось броситься в авантюру.

— С другой стороны, — сказал он, — если его засекли, то наши вертолеты прилетят скорее, чем мы успеем добраться до Крутояра. Если ему нужна медицинская помощь...

Олег больше не слушал. Он собрал свои немногочисленные вещи, сложил рубашку, завязал в узел и, не оглядываясь, вошел в воду.

— Куда идти? — крикнул он.

— Ты прав, — сказал Сева. — Даже если это космические агрессоры и мы с тобой погибнем, мы все равно выполним наш гражданский долг. погоди, я только рюкзак в пещеру отнесу.

Олег ждал Севу на другом берегу, отмахиваясь от комаров.

— Слушай, — спросил он, когда Сева вылез из воды и начал шнуровать ботинки, — а с чего ты решил, что в космосе могут быть агрессоры? Я об этом нигде не читал.

— Надо больше читать. Английский писатель Уэллс сообщает, что марсиане обладали смертельными лучами вроде лазеров... Только, правда, на Марсе нет жизни.

— Ясно. Перебили друг друга, вот и не стало жизни, — сказал Олег, первым входя в лес. Он всегда был сторонником простых решений и объяснений.

Идти оказалось недолго. Лес был густой, еловый, колючие сухие ветки стегали по лицам. В еловой тени полутемно, закатное солнце сюда не проникало, а стволы были такими одинаковыми, что уже метров через сто Сева остановился — ему показалось, что они заблудились. Олега, правда, такие сомнения не тревожили — он пробрался дальше, где сквозь темную чашу елей просвечивали светлые листья орешника, и остановился у глухой лесной дороги.

В глубоких колеях поблескивала вода, и трава между колеями вымахала такой высокой, что ясно было — никто по этой дороге не ездит. Из травы высовывалась оранжевая в белых заплатках шапка мухомора.

— Погоди, — сказал Сева. — Надо отдышаться. Вертолетов еще не слышно?

Вертолетов не было слышно. Только отчаянно гудели комары.

— Совершенно сбился, — признался Сева. — Может, они голос подадут?

Сквозь комариный писк послышался далекий звук. Будто кто-то стучал по земле молотком. Звук приближался. Сева отступил в чашу и сказал:

— Что-то необычное. Сойди с дороги. Возможно, они передвигаются на вездеходе.

— Ничего необычного, — сказал Олег. — Кто-то на лошади едет. Это же копыта стучат. Сейчас мы и спросим.

— Что спросим?

— Не видел ли он космического корабля.

— Спрячься! — прошипел Сева. — Никакая это не лошадь. Кто в этом лесу будет вечером скакать на лошади?

Но Олег его не слышал. Когда из-за поворота дороги показался всадник, Олег выскочил на середину, поднял руку и сказал, как ему казалось, строгим голосом:

— Стоп! Тревога!

Лошадь запрокинула голову, поднялась на дыбы, чтобы не сбить Олега. Девочка, которая сидела на ней, крикнула:

— Сумасшедший! Прочь с дороги!

Лошадь встала, кося на Олега обиженным глазом.

Девочка похлопала ее по шее.

— А как тебя еще остановишь? — спросил Олег. — Ты не беспокойся. Мы не разбойники.

— Я не беспокоилась. Просто если бы Тамара тебя сбила, до больницы отсюда километров десять. Заблудились, что ли?

Сева понял, что пришло время ему самому вмешаться в беседу. Он сделал шаг вперед. Теперь он мог хорошо разглядеть девочку. На вид ей было лет двенадцать. У нее было очень белое

веснушчатое лицо и темно-рыжие густые волосы. Глаза же оказались светлыми и совершенно зелеными, как трава.

— Добрый вечер, — сказал Сева. — Мы не заблудились. И мы находимся в группе поиска.

— Тут космический корабль приземлился, — объяснил Олег, отступая от лошади Тамары, которая вдруг потянулась к нему губами. — Сева видел. Мы спешим на контакт выйти.

— Вы видели?

— Мы наблюдали космическое тело, — сказал Сева.

Вдруг собственные слова показались ему смешными. Что за космическое тело? Лошадь, лес, комары, незнакомая рыжая девочка, мухомор в траве... Все просто, и не может быть космических тел.

— Я тоже, — сказала девочка совершенно серьезно. — Поэтому вскочила на Тамару — и в лес. Только я думала, что мне показалось.

— Если двое видели, — сказал Сева, — значит, не показалось.

— Тогда идите за мной, — предложила девочка. — Метров двести осталось. Я эти места знаю.

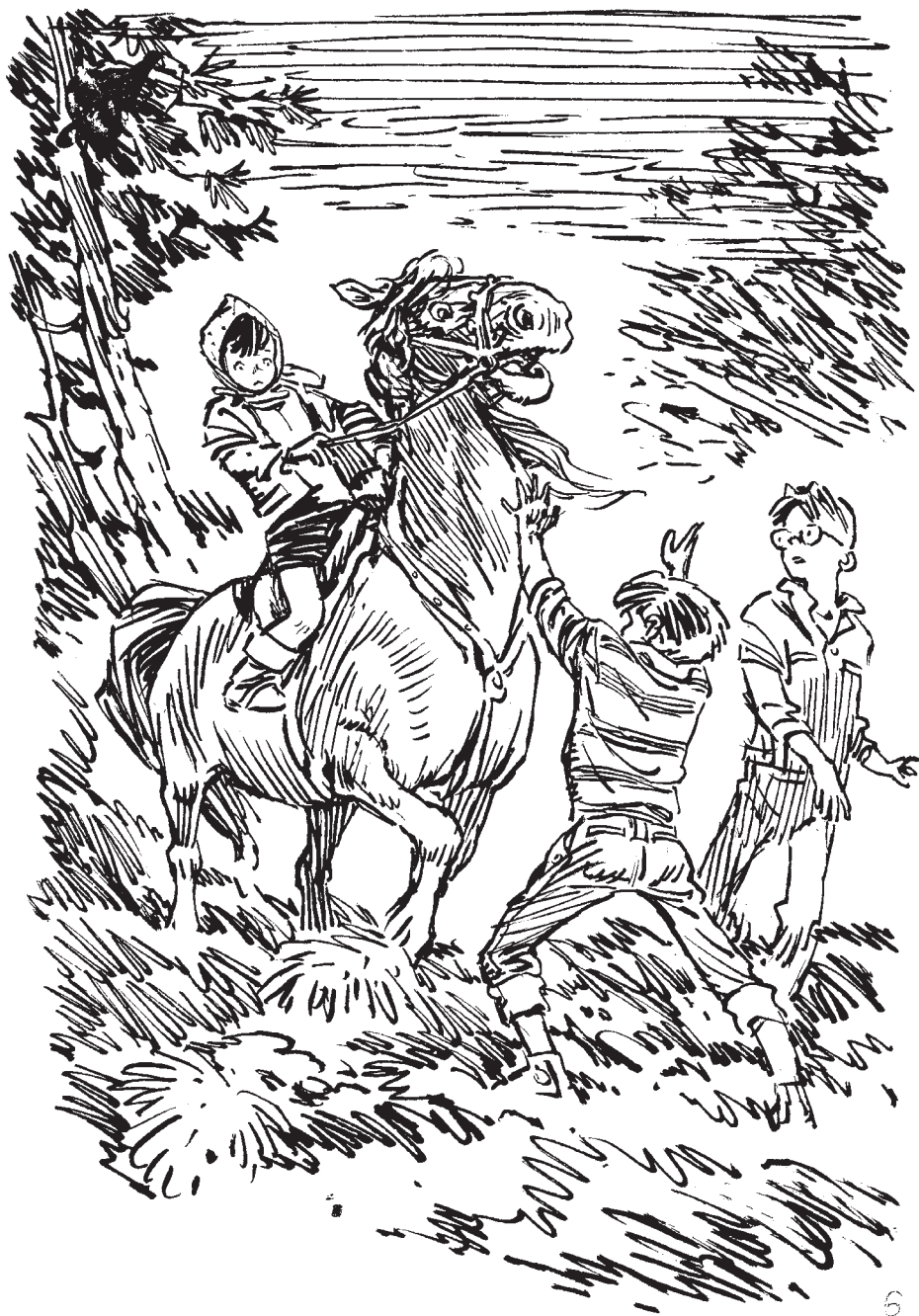
Дальше девочка пошла пешком по лесу, ведя лошадь в поводу. Сева шагал рядом, рассуждая о космонавтике, а Олег чуть сзади, потому что лошадь Тамара заинтересовала его больше, чем все космические корабли, вместе взятые.

Олег вдруг понял, что он прирожденный наездник и ему просто не повезло, что он живет в городе. Конечно, хорошо бы сейчас сказать этой девочке: «Дай прокатиться». Но Сева поднимет такой скандал, что лучше уж потерпеть до следующего раза. К тому же на лошади ему еще не приходилось кататься, и она казалась очень высокой.

Девочка отводила рукой ветви, чтобы не били Тамару по морде, и слушала Севу не перебивая.

— Ты в Крутояре живешь? — спросил вдруг Сева. — Я что-то тебя раньше не видел.

— Я у дяди живу. Он лесничий. Вообще-то я из Москвы. На каникулы приехала.

Олег выскочил на середину, поднял руку
и сказал, как ему казалось, строгим голосом:
— Стоп! Тревога!

— Скучно в лесу жить, — сказал Олег. Голос его прозвучал очень громко — в лесу наступила странная тишина.

— Тише, — сказала девочка. — Зачем кричать? Скучно везде, если ничего не делать. У нас при лесничестве лосиная ферма есть. Я там с лосятами работаю...

— Врешь! — воскликнул Олег. — С ло-осятами?

— Олег! — Сева остановился и поднял указательный палец. — Ты забыл, что мы не на прогулке. Я совершенно не представляю, как ты намерен выходить на связь с инопланетной цивилизацией.

— Может, твоему другу лучше здесь подождать? — спросила девочка.

— Ладно уж, — буркнул Олег. Не очень приятно слушать, как лучший друг в присутствии незнакомых людей разговаривает с тобой свысока. — Спросил, и все. Может, инопланетных цивилизаций не существует. Дальше пойдем или здесь останемся?

— Теперь надо не идти, — сказала девочка, — а искать. Это где-то совсем рядом. Расходимся веером. Понятно?

— Понятно.

— Как вас зовут, если придется позвать?

— Сева.

— Олег.

— Меня — Марина. Тамара, подождешь нас здесь.

Лошадь остановилась.

— Она понимает? — спросил Олег.

— Иногда больше нас с вами, — сказала Марина.

Олег хотел было засмеяться, но осекся. Он вдруг понял, что сейчас они разойдутся и он останется в сумеречном лесу, где за каждым кустом может таиться пришелец или что-нибудь еще похуже. Но признаться в своем страхе Олег не мог, только посмотрел на Севу — каково ему? Первый раз он видел Севу, который бы уступил кому-нибудь первенство. А тут девочке... Что ж, бывает.

— Вообще-то лучше идти вместе, — сказал вдруг Сева. — Боюсь за Олега. Может потеряться.

— Я не потеряюсь, не беспокойся! — Олег понял, что Севе тоже не по себе — от этого Олегу стало полегче. И он первым пошел в чашу, ломая ветки и погромче топая кедами.

Марина показала рукой, чтобы Сева взял левее, а сама пошла вправо. Тамара смотрела им вслед, размеренно и печально покачивая головой. Ей этот вечерний поход в лес был непонятен.

Олег шел, считая шаги. На шестидесятом он остановился. Ну вот, никого нет, тишина, даже не слышно, чтобы хрустели ветки. Куда они все делись? И нужен им этот пришелец? Вдруг пришельцы стреляют без предупреждения? Он понял, что больше не сделает ни шагу. Лучше здесь подождать... Комар больно укусил в щиколотку. Олег наклонился, чтобы прихлопнуть его, и в тот же момент рядом, словно над ухом, услышал голос Марины:

— Сюда. Я нашла.

Марина сказала это обыкновенно, словно нашла подберезовик.

Олег рванулся на голос. За спиной топот — ясное дело, это бежал Сева.

Она нашла! Значит, в самом деле так бывает? И он сейчас увидит *Это*?

Это лежало на небольшой прогалине, повалив и подмяв несколько молодых осинок, вершинки которых обрамляли снизу черную массу металлической чечевицы, словно листочки большую черную ягоду. Чечевица была метров шесть в диаметре. Поверхность ее была матовой, кое-где покрытой серыми пятнами, словно пеплом.

На верхнем полушарии чечевицы чернел открытый круглый люк. От него струились тонкие трещинки, которые собирались к небольшому отверстию, как бывает на ветровом стекле автомобиля, если в него попадет камешек...

Сева сзади откашлялся. Этот звук показался Олегу страшно громким, и он зашипел предупредить Севу, чтобы тот вел себя потише, но не успел. Сева произнес громким шепотом:

— Они потерпели крушение. Я так и думал.

— Ты так не говорил, — сказал тихо Олег.

— Я думал. Наверное, столкнулись с метеоритом. Это бывает в космических полетах.

— А потом они ушли нас искать, — сказала Марина. — И люк за собой не закрыли?

— Это еще надо проверить. — Олег сделал шаг к кораблю.

— Стой, — остановил его Сева. — Вернее всего, здесь смертельная радиация.

— Раньше надо было думать, — сказала Марина. — Если она есть, мы уже облучены.

Олег все-таки отошел от корабля к большой ели. Теперь они стояли за толстым стволом. Совершенно непонятно, что же делать.

— Придется ехать в город, — сказал наконец Сева, — а то совсем стемнеет.

— Может быть, сейчас за ним прилетят на вертолете — просто еще не успели, — отозвался Олег.

— Вряд ли, — сказала Марина. — Если бы его заметили, уже давно бы прилетели.

— А в город я не пойду, — решился Олег. — Никуда не пойду. Может быть, они внутри сидят раненые, ждут помощи, а мы в город побежим. А они тем временем попросту умрут. Представляешь, если у них тяготение другое?

— В словах Олега есть смысл, — согласился Сева. — Раз уж мы сделали великое открытие, наш долг довести дело до конца.

— А я бы, — сказала Марина, — посмотрела вокруг. Если они открыли люк, значит, может быть, отошли. А вдруг они сейчас следят за нами?

Олег сразу оглянулся.

Под деревьями уже улеглись черные тени, небо стало синим, и на нем появились первые звезды. Все предметы постепенно потеряли свои цвета, и мир становился сине-серым, как в нецветном кино.словно пишущая машинка, прострекотала сорока... Олег непроизвольно развел руками — ему вдруг захотелось показать невидимому наблюдателю, что руки его пусты, оружия нет, а намерения самые мирные.

— У вас фонарь есть? — спросила Марина.

— В рюкзаке остался, на Вяте, — сказал Сева. — Я без фонаря туда загляну. Один. Тем более что там, может быть, смертельная радиация. Не стоит всем рисковать.

— Интересно, — сказала Марина, — как ты будешь ощупью шарить в космическом корабле? Ты что, знаешь, как он устроен?

— Он небольшой, — ответил Сева, но с места не двинулся.

И тут же Марина обернулась, взглянула на Севу.

— Это ты? Это кто...

Сева тоже услышал. Слабый голос, беззвучный, возникший в их головах, в глубине, словно мысль:

— Помогите... Идите сюда...

— Ты слышал? — спросил Олег.

— Молчи, — сказала Марина. — Не перебивай.

— Вы где? — спросил Сева.

— Идите ко мне, — вновь раздался мысленный призыв. — Идите на мой голос...

И они уже знали, куда идти, знали, откуда голос доносился.

Олег первым рванулся в чашу, но через несколько шагов ахнул от ужаса и метнулся назад, налетел на ствол ели, споткнулся о корень... упал к ногам Севы. Кто-то громадный, большеглазый, с уродливым длинным лицом выглянул из чаши и открыл пасть, обнажив длинные желтые зубы.

Марина перепрыгнула через Олега, протянула руку и хлопнула ладонью по морде чудовища... Лошадь Тамара захрапела, качнула головой.

Рядом, обхватив Олега, тяжело дышал Сева. Если он тоже испугался лошади, то не успел показать этого...

— Я здесь, — прозвучал голос. — Чуть правее...

Между двух старых, в обхват, елей обнаружилась небольшая, глубокая ложбинка. Когда-то там стояло еще одно дерево, но упало. Его сгнивший ствол тянулся вдаль, пропадая в темноте, а корни торчали вверх, как узловатые пальцы. В этой яме в ворохе веток и лежал прищелец.

Они знали, где он лежит, раньше, чем увидели его. Он сам сказал им мысленно, что он здесь, что он ранен и беззащитен.

Ребята остановились у ложбины, не решаясь сделать дальше ни шагу — не потому, что было страшно, нет, страха не было. Была невероятность того, что происходит.

ФОТОГРАФИЯ ПРИШЕЛЬЦА

1

Даша старше меня на десять лет.

Еще пять лет назад разница в возрасте была катастрофической. По дороге в институт сестра заводила меня в школу, помогала снять сапожки и разматывала шарф. Некоторые принимали Дашу за мою маму, бывают же очень молодые мамы. Я ее тоже воспринимала как младшую маму.

Незаметно я подросла, а Даша не изменилась. Теперь все понимают, что мы сестры, не больше. Тем более что ростом я ее почти догнала. Дошло до того, что я стала ее подругой. И даже доверенным лицом. Именно я отмечаю назойливых поклонников.

После института Дарья стала работать у нас в ЖЭКе, инженером по благоустройству. У нее был выбор, а так как сильно заболела мама и ее нельзя было оставлять одну, Даша попросилась на работу поближе к дому.

Наверное, нас сблизила мамина болезнь. Еще год назад мы жили под маминым крылышком. Мама была в командировке, попала в автомобильную аварию, и у нее сломан позвоночник. Притом очень неудачно, так как у мамы отнялись ноги, и когда она придет в норму — неизвестно.

Только, пожалуйста, не думайте, что я — серьезное, деловитое создание, не улыбка и вся в заботах. Жизнь продолжается. Мы уже купили маме кресло на колесиках. Даша кончила курсы лечебной физкультуры, а я умею делать массаж. А если бы вы видели мою маму, то поняли бы, что все обязательно обойдется — никого более очаровательного, чем моя мама, на свете нет, особенно если она улыбается.

На втором месте стоит моя Дарья. К сожалению, Дарья отлично знает силу своего обаяния и им легкомысленно пользуется. Вернее, пользовалась до того момента, когда возник мой любимый Петенька.

Считается, что младшие сестры ревнивы, но я убеждена, что с Петечкой нам повезло.

В отличие от других поклонников, которые возникают в городском транспорте, на улицах, в кино и прочих общественных местах, Петечка материализовался прямо у нас в прихожей.

Я готовила уроки, мама смотрела телевизор, когда раздался звонок, и, открыв дверь, я увидела странное создание — художника без головы. Петечка стоял близко к двери, и голова его скрывалась за косяком. Для того чтобы войти в прихожую, ему пришлось нагнуться. И тогда я увидела, что у него есть самая настоящая голова, рыжая и добродушная. Рыжими были тугие курчавые волосы, брови, ресницы и веснушки. Все остальное было ярко-розовым, а глаза оказались зелеными.

— Здравствуйте, — сказал он, выпрямляясь и почти утыкаясь макушкой в потолок. — Я хочу видеть Дарью Александровну.

Мне бы поздороваться, как положено, и ответить, что Дарья Александровна еще не приходила, но вместо этого я произвольно спросила:

— Какой у вас рост?

— Вы же видите, — сказал рыжий человек, приставил к затылку большой палец и, растопырив пальцы, достал указательным до потолка.

— Два двадцать пять? — сказала я.

— Два двадцать три, — ответил молодой человек.

— Вы баскетболист? — спросила я.

— Здравствуйте, — сказал он,
выпрямляясь и почти утыкаясь макушкой в потолок.

— К сожалению, — ответил молодой человек, — я не могу играть в баскетбол, потому что все кричат на трибунах: «Рыжий, давай!» А когда я промахиваюсь, все кричат: «Рыжего с поля!»

— Вы заходите, — сказала я, потому что очень захотела показать такого странного человека маме. Хотя не знала, как это сделать, потому что тогда мама еще не вставала, а лежала во второй, маленькой комнате.

— Спасибо, — ответил Петечка, — я зайду попозже.

И тут он представился как Петр Говоров, корреспондент нашей областной молодежной газеты. И никуда не ушел.

Мы с ним разговаривали в прихожей минут десять, потому что он в комнату заходить не хотел, а я не хотела его отпускать, так как боялась, что он потеряется. За эти десять минут я узнала, что он в самом деле играл в баскетбол, но ему было интереснее учиться в университете и писать детские стихи, что он из маленького городка в сорока километрах от нас и потому живет в общежитии, а я ему рассказала про нашу семью, про несчастье с мамой, про то, что я победила на районной исторической олимпиаде, и даже не удержалась и сообщила, что наша Дарья очень красивая. Прислали к нам Петечку из газеты, чтобы написать заметку про детскую площадку, которую придумала Даша... Тут она и вошла.

Дарья была злая, усталая после какого-то неприятного совещания.

— Чего же вы тут стоите? — спросила Даша, входя в прихожую. — Или Мария вас уже заговорила?

А Петечка ничего не ответил. Он смотрел, склонив голову, на Дашу, и я поняла, что у него отсох язык. И это меня обрадовало, потому что я мысленно уже поселила Петечку в нашем доме и даже придумала, как приставить к дивану журнальный столик, чтобы у него не свисали ноги.

Поэтому вечером, когда, спросив все, что надо, о детской площадке, Петечка удалился, а Даша сказала: «Это какой-то монстр», я сразу заявила: «Как только мне исполнится восемнадцать лет, я выхожу за него замуж». Даша принялась хохотать, мама, которой мы показали Петеньку, тоже начала хохотать, а я сделала вид, что обижена, и пошла мыть посуду. Они ничего не

поняли. Меньше всего я думала о замужестве — эти проблемы меня, к счастью, не волнуют. Мне нужно было создать стрессовую ситуацию, шокировать окружающих. Потому что от удивления до интереса один шаг. Если кто-то претендует на человека, который показался тебе монстром, значит, в нем есть что-то, чего ты не увидела. А это заставит Дарью задуматься.

2

Как я была права! Не прошло и месяца, как Петечка стал у нас дома своим человеком, отпугнув других поклонников Дарьи. Это не значит, что он был агрессивным. По характеру Петечка — щенок, притом застенчивый.

Я не могу назвать отношения Дарьи с Петечкой романом. Это было бы преувеличением. Дарья иногда шутит, что замещает меня до моего совершеннолетия. Но по крайней мере, она уже не считает Петечку монстром и не стесняется ходить с ним по улице, хотя сначала стеснялась. А мы с мамой от Петеньки без ума. Потому что он в первую очередь хороший человек.

Оппозиция существует в лице Алочки, Дашкиной подруги. Я сама слышала, как она говорит: «Ты с ума сошла, связать свою жизнь с этим бесперспективным уродом! Твоя красота — явление уникальное! Ну я понимаю, если бы он играл за сборную Союза, это еще куда ни шло. Но он пишет детские стишки, которые никто не печатает». На что я ответила: «Его стихи — завтрашний день детской поэзии». И процитировала: «*В июне, в самую жару, в вагоне пропыленном в Москву приехал кенгуру работать почтальоном*». «Вот именно», — сказала тогда Алочка, и я поняла, что первый раунд я проиграла. Но впереди еще немало раундов.

Так что идею с космическим кораблем первой поддержала я и сыграла в ее реализации немалую роль. Мне она была нужна для того, чтобы помочь Петечке.

Во-первых, это значило, что у Петеньки с Дашей будет общее дело. А общее дело всегда сближает. Во-вторых, это даст возможность Петечке напечатать в газете большой очерк о ценном

начинании — пора Петечке подрастать как журналисту. А в-третьих, это полезно детям нашего двора.

Мне иногда кажется, что взрослые совершенно не в состоянии понять, насколько мы в конце двадцатого века быстрее растем, чем они сами росли лет тридцать — сорок назад. Мы же раньше узнаем слова «телевизор» и «космос», чем «Баба-яга» или «соска». Я в седьмом классе интересуюсь проблемами, которые моей бабушке и даже маме просто не снились. Может быть, я не самая типичная в классе, и потому у меня почти нет подруг. Но ребята меня отлично понимают, и им со мной интересно. Еще в прошлом году в классе некоторые посмеивались над моей дружбой с Димой Петровым. Но нам друг с другом интересно, понимаете? Причем мы с Димой совершенно разные люди — он весь в технике, для него в слове «транзистор» буквально звучат трубы, как в оркестре. Я устроена иначе. Я люблю историю, я считаю, что если знать и понимать, как люди жили раньше, то можно лучше понять, что будет завтра, по крайней мере, не повторять старых ошибок.

Когда у меня возникла идея с детской площадкой, я обсудила ее с Димой, а потом мы оба принесли ее Петечке. Я сейчас уже точно не помню, что я говорила, но примерно так:

— Погляди, Петенька, на нашу детскую площадку. За что мою дорогую сестренку хвалит общественность и ты в том числе? За то, что посреди нашего двора поставлены качели, какое-то глупое сооружение, по которому надо лазить, теремок и пять гномов, вырезанных из бревен, не считая медведя, который не похож на медведя. Что в этой площадке от нашего века?

— Но что ты предлагаешь? — спросил Петечка, который знал, что со мной шутки плохи.

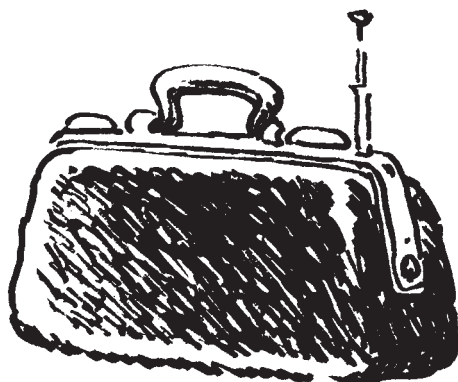
— Я предлагаю сделать детскую площадку такой, чтобы на ней могли играть и воспитываться будущие обитатели двадцать первого века.

— А чем они будут отличаться от вас? — спросил Петечка. — Они уже совсем перестанут верить в сказки?

Нет смысла передавать все разговоры и споры, которые мы вели. Главное, мы с Димкой их убедили. И убедили настолько, что Петечка сам загорелся этой идеей.

ЧЕРНЫЙ САКВОЯЖ

1

Я сначала увидел саквояж, а потом человека. Саквояж — это древний гибрид сумки, чемодана и портфеля, такие носят доктора в исторических фильмах. Теперь их, по-моему, не делают.

Вроде бы саквояж должен быть добрым, толстым и надежным.

Приходил чеховский доктор, велел открыть рот, давал капли или микстуру — тогда даже еще уколов не умели делать.

А этот саквояж мне не понравился.

Саквояж спускался в подземный переход. Его нес небольшой человек, совершенно не похожий на доктора. Ни на кого не похожий человек, потому что он был похож на всех сразу.

А сзади, шагах в двух, брел плотный сутулый мужчина в маленьких толстых очках.

Я смотрел на саквояж и почти догнал их.

Спина сутулого мужчины дергалась передо мною, потому что он все время сбивался на бег, а потом тормозил, стараясь забежать вперед владельца саквояжа.

Неожиданно тот, кто нес саквояж, прибавил шаг. Его преследователь тоже прибавил шаг, а я не стал спешить. Мало ли какие бывают у людей проблемы.

Но получилось так, что из подземного перехода мы не вышли.

Погода была ветреная, солнечная, но ненадежная. Фиолетовые тучи выскакивали, как из засады, и плевались короткими ливнями. Очередная туча таилась за крышей высокого дома и выскочила как раз, когда я выглянул из перехода. С неба упала стена ливня.

Я отступил на несколько шагов и услышал злой громкий шепот:

— Верните немедленно.

Я оглянулся. Те же двое. Мужчина в маленьких очках теснил того, что с саквояжем, к стене. Незаметный человек елозил спиной по тусклому кафелю стены и повторял со злостью:

— У вас нет доказательств. Вы никогда не докажете...

— Отдайте саквояж. Я все понял.

Этот странный разговор тянулся, как затертая пластинка, которая застряла на одной фразе: «Степь да степь кругом... степь да степь кругом...»

Вдруг они прервали разговор и как по команде посмотрели на меня.

Я увидел очень холодные светлые глаза незаметного человека и растерянные, добрые, окруженные оправой очков глаза плотного. Я невольно отвел взгляд. Получилось, что я подслушиваю.

И тут же ливень оборвался, так же незаметно, как и начался. Толпа бросилась вверх, разъединила меня со спорщиками, и я потерял тех людей из виду.

Я не думал, что когда-нибудь их еще увижу. Но увидел.

Сначала я увидел незаметного человека с черным саквояжем.

Примерно через полтора часа.

Я заскочил домой пообедать, потом побежал в кружок.

Надо сказать, что я всегда бегаю. Во-первых, это очень помогает поддерживать тонус — ведь мы проводим в классе полдня в сидячем положении. А потом собираемся еще всю жизнь сидеть — в институте, на работе, на пенсии... Так что единственное спасение от ранней старости, от ожирения и лени — это бег. Я не признаю бег трусцой по утрам. Лишняя потеря времени. Да и неудобно как-то в трусах носиться по улицам. Из автобусов на

*А сзади, шагах в двух, брел плотный сутулый мужчина
в маленьких толстых очках.*

тебя смотрят как на сумасшедшего. Бежать надо по делу. В булочную послали — беги, в школу — беги, из школы — беги. Экономика на времени, на транспорте и бодрость духа.

Я примчался в Дом пионеров в половине четвертого. У меня было полтора часа времени до встречи с Сорокалетом. Сорокалет, если вы случайно не слышали, великий изобретатель. У него самого более сорока авторских свидетельств, а у его учеников — более трехсот. Я считаю, что это очень достойная пропорция. Встречу с ним мне устроил наш руководитель, Стасик. Он сам занимался у Сорокалета на семинаре изобретателей и считает его гением. А я единственный из наших кружковцев, насчет которого он попросил Сорокалета, чтобы он со мной поговорил.

Я не хочу хвастаться, это не в моих привычках, но я согласен со Стасиком. Наверное, это вызвано тем, что мои работы отличаются от работ других ребят. Я всегда иду от того, что нужно человечеству. Вы можете возразить: разве не нужна человечеству машина времени или вечный двигатель? Но разумный человек ответит: подобные забавы антинаучны, и хоть даже у нас в кружке есть братья Симоны, которые строят уже восьмую модель вечного двигателя, это означает лишь, что они хотят выделиться и плохо знают теорию. Есть другая категория юных изобретателей — те, кто изобретает всем известное, потому что это легче сделать. Например, три года у нас делали робота. Робот ходит, мигает лампочками, двигает руками, но все равно это игрушка, хоть его всегда показывают на вечерах и все хлопают в ладоши и кричат: ах, какие умные подростки!

Я уже сейчас занимаюсь проблемами окружающей среды. Я придумал проект судна, которое может очистить от нефти и других отходов большую акваторию, и действует это судно по принципу промокашки. Или, может, тех машин, которые подметают улицы. Представляете круглую щетку, которая вертится, собирая грязь с мостовой и загоняя ее внутрь кузова? Такого рода пластиковым пористым валом я снабжаю мои суда. Грязь с поверхности воды впитывается в вал и подается в цистерну. Над цистерной вал прижимается, отдает содержимое и вновь готов к употреблению.

В тот день я должен был встретиться с самим Сорокалетом и потому, сами понимаете, волновался больше, чем перед экзаменом. У меня была робкая надежда, что Сорокалет согласится взять меня в свой семинар. Правда, там занимаются как минимум студенты, и семиклассников он, конечно, не брал. Но я хотел доказать Сорокалету, что возраст таланту не помеха. Известно, что Моцарт уже в три года играл на скрипке.

Поэтому неудивительно, что весь день у меня пошел наперекос. Я умудрился получить двойку по истории, чего со мной не случалось уже полгода, хотя я историю не люблю и считаю ее пустой наукой — часы, которые мы тратим на нее, можно было употребить с пользой — учить побольше математики.

Дома я тоже вел себя не лучшим образом. Во-первых, забыл заплатить за квартиру, потом сжег яичницу, наконец, когда позвонил Артем, я забыл передать ему, что Настасья будет ждать его у кино в половине седьмого. Правда, этот мой грех был самым незначительным, так как они все равно друг друга отыщут, даже если во всем городе перегорит свет или сломаются все троллейбусы, у этих влюбленных какое-то шестое чувство. Мне иногда просто смешно на них смотреть. Артем бросил заниматься боксом, потому что у них не хватает времени на свидания. Я считаю, что любовь такая же вредная штука, как история. Она отвлекает от производительного труда и увеличивает энтропию. Я уверен, что оптимальное состояние моей сестрицы и Артема — оцепенение. Они бы рады просиживать друг перед дружкой целыми сутками, пожирая партнера пламенными взорами. Но повторяю: это мое личное мнение, и я его никому не навязываю. Но я убежден, что Руслан разделяет эту точку зрения.

В общем, весь день я находился под ощущением великого перелома в моей жизни и не обращал внимания на обыденные мелочи. Даже удивительно, что я заметил ту парочку — плотного мужчину в очках и незаметного человека с черным саквояжем.

В кружке я провел около часа. Все равно надо было убить время. Я пообщался с братьями Симонами, которые как раз разбирали очередную модель вечного двигателя, убедившись в его нецелесообразности, и собирались использовать некоторые его части для новой, такой же бессмысленной модели. Все это вре-

мя я думал. Ведь мне нужно доказать Сорокалету, что я как изобретатель чего-то стою. Я мысленно повторял обоснования некоторых моих работ и даже придумывал за Сорокалета возражения.

Все кружковцы знали, что мне сегодня идти к Сорокалету, и очень сочувствовали. Я пришел в мой уголок, где на стенах висели рисунки, схемы и две грамоты, которые я получил в этом году. Вообще-то грамот я не храню — не в грамотах дело.

Из моего уголка, от рабочего стола, видна дверь, которая ведет в коридор. Это маленький коридор к мастерской. Мастерская у нас двенадцать квадратных метров, но в ней умещается токарный станок и верстак. В тот день в мастерской никого не было.

2

Коридор был слабо освещен, одной лампочкой. Под лампочкой стоял стул. На стуле сидел незаметный человек с черным саквояжем. Он держал саквояж на коленях и возился с его застежкой.

И вдруг я испугался. Даже не знаю почему. Вообще-то я не особо трусливый, но очень уж странным мне показалось это совпадение. К тому же в коридор можно пройти только через нашу комнату, а через нее за последний час никто не проходил.

Наконец незаметный человек справился с застежками, саквояж распахнулся. Внутри что-то блестело. Потом послышалось тихое жужжание, которое странным образом отразилось в моей голове. У каждого есть свой невыносимый звук. Я, например, не выношу, когда ладонью сметают крошки со скатерти, а Настасья буквально умирает, если кто-то скребет вилкой по тарелке. Так вот это жужжание было невыносимым.

Я боролся с желанием убежать, поскольку понимал, что надо подойти к незаметному человеку и спросить, что он здесь делает.

Я даже поднялся из-за стола, но потом застыл.

Он держал саквояж на коленях и возился с его застёжкой.

ГЕРКУЛЕС И ГИДРА

1

На южном берегу Азовского моря воды мало, и удобств для отдыхающих нет. Иначе бы давно застроили эти места пансионатами и санаториями. Может быть, кому-то это бы понравилось, а я рад, что наши места довольно пустынные. Если мне очень захочется цивилизованной жизни, я всегда смогу сесть в автобус и доехать до Керчи или до Симферополя. Это не значит, что я какой-нибудь анахорет, прячусь от человечества. Просто не люблю толкотни. После школы я пойду в мореходку. А может быть, в университет, на исторический. То есть еще в прошлом году я был убежден, что пойду в мореходку, а этой весной к нам, на мыс Диамант, в километре от поселка, приехала экспедиция профессора Манина и круто изменила мою жизнь. Кстати, это относится не только ко мне, но и к Макару Семенцову из моего класса. Он вообще не хотел идти в институт. У него масса концепций, ну, мыслей о всяких серьезных вещах. Одна из концепций относится к паразитизму, это когда живешь за чужой счет. И звучит эта концепция так: если ты имеешь возможность отрабатывать долг обществу, начинай это делать как можно скорей. Впрочем, у Макара есть жизненные обстоятельства. Если у меня мать бухгалтер в совхозе, сестра уже работает телефонисткой и

отец присылает деньги, то у него только отец, инвалид, почти слепой. Отец-одиночка, редкий случай. И лет с десяти Макар тянет на себе все хозяйство.

Я рад, что у нас здесь вольно. Можно пройти километров десять по степи и не встретить ни души. За соленым озером подняться на высокий пологий холм, где остались каменные плиты древнего татарского кладбища, потом узкой ложиной, где растет несколько старых тополей, добраться до заброшенной армянской часовни, за которой кусок обвалившейся стены. Наши археологи ездили к этой часовне и так и не столкнулись, кто строил стену. Манин думает, что она осталась от гуннцев, а Борис уверен, что ее построили готы. Удивительный у нас край. Кто только здесь не жил. Наш поселок Ключи тоже старый. Говорят, что его основали при Екатерине, то есть в восемнадцатом веке, когда Крым присоединили к России и поселили тут солдат-инвалидов. Солдаты научились ловить рыбу, ее тогда в Азовском море было много, стали разводить виноград и давить вино. А Ключами поселок назвали из-за источника. Он испокон веку бьет из-под скалы. Это место обложено хорошо отесанными плитами. Лет пять назад неподалеку пробрили артезианскую скважину. Только ошиблись. Скважина работает неравномерно, а в источнике воды убавилось. Типичный случай нарушения баланса в природе. Так что у нашего поселка так и не появилось возможности вырасти и обзавестись санаторием или заводом. Зато тихо, свободно.

А вот Томат недоволен. Я еще вчера, во время очередного спора, сказал своей сестре Люсе: если не нравится, чего приезжает третий год подряд? Разумеется, Люся отвечать мне не стала. Соврет — я начну смеяться, скажет правду — умрет от стыда. Дело в том, что Люся до сих пор надеется, что этот Томат на ней женится. Честное слово! Ну хоть бы он дал ей понять, насколько пусты ее глупые надежды. А он хитрит. Ему куда выгоднее жить у нас под видом почти жениха. И мать покормит, и Люся бельишко стирает. Только я никогда и ничего для него делать не буду. Это вопрос жизненных принципов, потому что Томат — дутая величина, а я не выношу лжи. Простите, но это так.

Разумеется, в свете истории, которая произошла в последние дни, мои слова могут показаться кокетливым бредом, притворством и лицемерием. Я выступал в ней последним лжецом и подонком. Но разве не бывает так, что человек, который не выносит кипяченого молока, вынужден глотать его, чтобы не расстраивать любимую бабушку? Со мной такое было, в детстве.

Я не знаю, с какого момента вести отсчет этой истории. Может быть, с весны. Может, с приезда Томата. Так как весна была раньше, я начну с нее.

Манин приезжал сюда прошлым летом, но меня в то время в поселке не было. Я устроился в строительный отряд и уехал на два месяца в Таганрог. Мне было четырнадцать лет, но я выгляжу на все шестнадцать из-за акселерации. Так вот, Манин приезжал на разведку и решил, что они будут копать городище на мысе Диамант, возле которого, спускаясь к морю, и разместился наш поселок. Мыс Диамант вдается довольно далеко в море и обрывается к нему почти стометровым обрывом. Из травы там высовываются углы каменных плит, а внизу под обрывом, который море понемножку размывает, иногда можно найти обломок кувшина или даже монеты. У меня долго лежал довольно красивый обломок амфоры — размером с две ладони. На нем был нарисован почти белый сатир с копытами, он гнался за нимфой, к сожалению, ее голова была за пределами обломка. Люся подарила этот обломок Томату еще в прошлый приезд и мне ничего не сказала. Я, может, и забыл бы о нем, если бы не Манин. Когда весной появилась экспедиция, Манин спрашивал, нет ли у кого в поселке вещей с мыса Диамант. Некоторые принесли. Я тоже хотел принести, но обломка не было. И тогда Люся сказала, что подарила Томату. Думала, что мне не нужно. Можете представить, какую сцену я ей устроил.

Наверное, было бы романтичней, если бы экспедиция жила в палатках над морем. Но они предпочли снять здание нашей восьмилетки. Там поставили раскладушки.

Разумеется, мне хотелось поработать на раскопках. Я люблю читать исторические книги и всегда интересуюсь нашим прошлым. Так что для меня приезд экспедиции был везением. А то, что Манин набирал рабочих, — стало везением номер два. Ну из

кого ему было набирать рабочих в нашем не очень многолюдном поселке? Разумеется, из старшеклассников. Так мы и попали на раскопки Тавманта. Правда, я вам должен сказать, что даже Манин не уверен, Тавмант мы копаем или нет. В Крыму еще много загадок, особенно когда это касается античных времен. Какой-нибудь Херсонес или Пантикапей известны на весь мир, да и тогда тоже были известны. А вот небольшие городки, разбросанные по берегам Черного и Азовского морей, порой не попадали в исторические труды. Или, если попали в Перипл, это что-то вроде логии — руководства для мореходов, их не так уж легко определить. Тем более мы уже в первые две недели обнаружили, что верхние слои городка относятся к периоду хазарского каганата, а люди ушли оттуда только к концу десятого века. В общем, сказочно интересная работа. И люди мне понравились. Мне с ними было хорошо.

Я понимаю, приезжает на новое место коллектив. В нем старые знакомые, ученые, много студентов-историков. У них общие интересы, они и в Москве знакомы. Поэтому рабочие, такие как мы, обычно остаются в стороне. Например, Солодко, из соседнего дома, она отработала свои часы и спешит на огород или по дому заниматься. Для нее это только приработок. Но что касается нас с Макаром, получилось иначе. Сначала я сблизился с Борисом, потому что мы друг другу понравились. Хотя он и кандидат наук, есть в нем молодость души, если вы меня понимаете. Макар не так быстро сходится с людьми, как я. Может, это из-за разного физического развития. Я играю за район в баскет и стометровку проплываю со скоростью вельбота дяди Христо. В общем, у меня нет комплексов. А Макар держится только на чувстве собственного достоинства. Он толстый и мягкий. И близорукий. Ну пря-

мо чудак ученый из романа. Что ему помогает жить на свете — это его талантливость. Он удивительно талантливый человек, иногда наши преподаватели просто разводят руками. Но при том он невероятно стеснительный и поэтому бывает очень грубым. Понимаете? Так вот я через две недели стал в экспедиции своим человеком. Костя, где ты? Костя, сгоняй за пивом на «рафике» (у меня юношеские права). Костя, достань лодку, вечером в море пойдем... Костя здесь, Костя там, но я не обижаюсь, потому что ничего обидного в этом нет. Я сам себя так поставил. Да они и не обижают. В конце концов, я могу большинство студентов положить на лопатки в сорок секунд. Это ничего, что я такой худой. Возрастное. Когда мне не хочется возвращаться домой и глядеть на Томата и слушать его банальные речи, я остаюсь в школьном здании ужинать, потому что вечером начинается самое интересное. И песни под гитару, и споры, и даже танцы. И еще лучше, если разговорится Манин. Совсем необязательно он говорит об археологии. Знаете, он из тех людей, которых все волнует. Он и о летающих тарелочках будет рассуждать, и об охране природы, и о литературе. Его выдвинули в члены-корреспонденты и, может быть, даже изберут. Я бы его давно избрал, хоть он и сравнительно молодой.

Макар поначалу в экспедиции не задерживался. Прямо с раскопа, не заходя в школу, шел домой клепать свой телевизор. Он вроде бы придумал принципиально новую схему, какой еще нет ни на одном заводе. Не знаю, что у него выйдет, но времени он потерял на этом — месяцев семь. Если настойчивость — свойство таланта, то Макар — самый талантливый человек на Азовском море. И самое любопытное то, что это не только мое мне-

ние. Его разделяет Игорь Маркович. Игорь Маркович Донин — это новое лицо в нашей экспедиции и личность таинственная. То есть он таким мне показался сначала. Представляете, недели через две после начала работы, когда мы только-только сняли хазарский слой и пошли на более древний, приезжает крытый фургон. День был жаркий, парило, море казалось свинцовым, а небо словно выцвело. Работать не хотелось, в раскопе было душно и пыльно. Поэтому, когда приехала машина, мы все полезли наружу.

Из кабины вылез очень высокий изможденный человек в темном костюме и при галстукке — самое нелепое сочетание, какое только можно придумать. Этот человек постоял под раскаленным солнцем, всматриваясь в пыль. И тут из раскопа вылетел наш круглый, маленький, крепкий Манин, в майке и шортах, понесся по солнцу к машине с диким воплем:

— Игоречек! Игореночек, Игорюшка, ты мой спаситель, я тебя люблю!

Изможденный человек сделал два больших шага вперед и принял нашего профессора в объятия. Голова Манина утыкалась в живот Игоречку, и тело сотрясилось словно от рыданий. Потом из раскопа вышел сутулый Борис, поправил указательным пальцем очки на переносице и спросил:

— А как же ты нас нашел?

— Ах, не говори, — сказал Игоречек печальным голосом.

Так в нашей экспедиции и появился Донин с его машиной. Машина занимала весь фургон, ее разместили в пустом школьном гараже. Отец дяди Христо, Константин, стал сторожем при гараже, а монтировали ее сам Игоречек и его техник по прозви-

щу Кролик, тяжелоатлет с красными глазами и всегдашним желанием улечься в теньке и заснуть минут на шестьсот.

С приезда машины жизнь моего Макара изменилась. На второй день он заглянул в гараж, потому что у него нюх по части всякой техники, и там остался. Я теперь даже не знаю, спит он когда-нибудь, ходит ли домой — он превратился в придаток этой машины. Но не в бесполезный придаток, а в самого главного человека. Кролик теперь может спать спокойно — машина в надежных руках. Сам Игоречек говорит, что ему сказочно повезло. Найти пятнадцатилетнего технического гения в деревне Ключи — это и есть сказочное явление.

Макар — человек немногословный, сам о себе ничего не рассказывает. Но если бы у меня были комплексы, я бы убил его от ревности. После Манина Макар стал самым популярным человеком в экспедиции. Тут у нас в прошлую пятницу приезжала корреспондентка из Симферополя написать о перспективах раскопок, что мы найдем в этом сезоне. Сама задача нелепая — если бы мы знали, то не искали бы. Манин ее уверил, что надо писать не о раскопках, а о Макаре. Только корреспондентка не оценила хитрости нашего профессора, который боится корреспондентов, и всерьез написала целый очерк о Макаре, начиная с его успехов в первом классе. Правда, она больше домыслила, так как от Макара монологов не добьешься.

Поэтому в событиях прошлой пятницы Макар сыграл очень важную роль. Тем более что Кролик, извините за выражение, запил и из фургона не вылезал. И основная тяжесть подготовки нашей установки выпала на Игоречка с Макаром.

Следовательно, мы имеем деревенского гения Макара, меня в роли всеобщего друга и прислуги за всех, Игоречка, Манина,

двадцать студентов и столько же рабочих из нашего поселка. И имеем Томата. Тут Томат и выходит на сцену.

Томат появился в нашем доме в позапрошлом году.

Появился он в своих «жигулях» второй модели, подтянутый и страшно скучный. Он умудрился с первых же слов внушить полное доверие моей матери, пробудить трепетание чувств в Люсе и неприязнь во мне.

Все в нем нормально. Бывает же такой нормальный человек. И зубы у него целы, и глаза не косят, и печень не беспокоит. Он сразу сообщил моей матери, что родом он из Подмосковья, по профессии экономист с заграничными перспективами, машину купил на собственные сэкономленные деньги и намерен отдыхать в нашем поселке, так как слышал от надежных людей о нашем целебном воздухе и море, а также узнав о нашей здешней дешевизне на фрукты и овощи. К нам его направили из крайнего дома, так как у нас пустует комната, а мы нуждаемся в деньгах. Он же нуждается в приведении своего тела в бодрое и загорелое состояние (без излишеств, ни боже мой!), отличается добрым нравом, тихим характером, не употребляет спиртных напитков, притом холост и ищет жену из хорошей семьи с положительными душевными данными. Моя мать была сражена этими сведениями, будто ей предложили сдать комнату ангелу небесному.

Самое обидное, что при всей моей ненависти к этому человеку я ничего не могу сказать о нем плохого. Томат гладок, ему лет тридцать, он спокоен, в самом деле не пьет и не курит и не терпит, когда в его присутствии это делают другие, он обожает эстрадную музыку, но не современную, а с опозданием лет на десять — тридцать, ночью не храпит, ловит рыбу на удочку и отдыхает изо всей силы. Отбыв у нас месяц, он уехал обратно на своем сверкающем «жигуленке» с тремя запасными колесами, прислал нам поздравления к седьмому ноябрю и Новому году, а потом заявился вновь на следующее лето. И в третий раз — на той неделе.

Больше всего на свете я боюсь, что он в конце концов женится на Люсе и будет жить в нашем доме или увезет Люсю в свое Подмосковье.

ИНОПЛАНЕТЯНЕ

О том, что прилетели пришельцы, Донат Пронькин узнал первым. И не потому, что верил в них или ждал прилета, а наоборот — у Доники, как говорит химик Волин, трезвый научный ум, не допускающий мистической чепухи, потому что она лежит за пределом опыта. Доник с детства преклонялся перед вольными мыслителями восемнадцатого века, а бабушка говорит, что уже в три года он не хотел слушать сказки и требовал правды о том, как размножаются цветы и куда прячется на ночь солнце.

История про цветы, неосторожно рассказанная бабушкой при гостях, сильно повредила Донику, потому что Катька разболтала об этом всему дому.

Катька, хоть ей и замуж пора, верит в любого шарлатана. У нее свой аргумент: «Но ведь его по телевизору показывали». Пришельцы размещаются у нее в области религиозного сознания, о них не надо рассуждать — в них надо верить. А они за это в самый критический момент прилетят на Землю, погрозят пальчиками и велят нам не взрывать атомные бомбы или не расстреливать косовских беженцев.

Пришельцы высадились в среду около десяти вечера, в сквере на той стороне 4-й Охотничьей улицы, и все произошло так буднично и тихо, что ни один поклонник инопланетян в это бы не поверил. Для них пришествие инопланетян — это эффектное

зрелище с фейерверком, выступлениями на митинге в пользу космического братства, телевизионным репортажем и конечно же портретами пришельцев — чем страшнее, тем убедительнее.

Минут за пятнадцать до высадки Доник позвал Барбоса погулять. Барбоса, правда, и звать не надо было, он давно сидел у двери.

Барбос с детства воспитывался как собака, потому что Доник мечтал о щенке, а ему купили котенка. Доник внушил котенку собачьи правила поведения. В частности, вечерние и утренние прогулки. Собак Барбос не боялся, а на котов не обращал внимания, не считая их за людей.

Доник с Барбосом перешли в сквер на той стороне улицы, и в этот момент опустился инопланетный космический корабль.

Если спросить Доника или Барбоса, какой он был из себя, они бы не ответили, потому что он был темным и его очертания скрадывались ночью и кустами. Нечто огромное и непроницаемое для света беззвучно, но тяжело опустилось на поляну метрах в ста от Доника. Было так тихо, словно это тело намертво отрезало все звуки еще не уснувшего города.

Доник, охваченный тревогой, снял очки и стал протирать их большими пальцами, что служило у него признаком волнения, а Барбос совсем не по-собачьи прижался к ногам хозяина и опустил хвост, лишь кончик подрагивал.

Доник всматривался в темноту, думая, что вот-вот в центре тьмы образуется светящийся квадрат, оттуда и выйдут пришельцы.

Время шло, никакого люка не образовывалось. Донику хотелось уйти, но уходить тоже было страшно, потому что, пока ты неподвижен, тебя могут не заметить, а начнешь двигаться — станешь виден. Это был древний закон леса, и Доник подчинялся ему, хотя и не был лесным жителем.

И вдруг сверху, оттуда, где начинались звезды, упал тонкий, как лезвие кинжала, зеленый луч. И тут же Доник услышал то, что услышать было невозможно, — как отворились люки корабля и из него стаяй тараканов или других совершенно беззвучных насекомых хлынула волна пришельцев. И он понял, хоть и не увидел, что пришельцы очень малы размером и что они охваче-

*И вдруг сверху, оттуда, где начинались звезды, упал тонкий,
как лезвие кинжала, зеленый луч.*

ны страхом — иным, нежели тот, что владел Доником и Барбосом, но, без сомнения, страхом, их гнавшим от темной массы корабля. Они явно стремились отбежать, прежде чем случится нечто ужасное.

Поддавшись этому страху, Доник и Барбос тоже начали отступать к улице, и через мгновение время перестало быть постоянным потоком, а рассыпалось на отдельные секунды, каждая из которых помчалась в свою сторону. Барбос, которому невмоготу стало терпеть этот страх, взлетел по брючине и куртке Доника, прыгнул ему на плечо, забыв, что Доник — не старое кресло, которое можно рвать когтями сколько заблагорассудится. Но Доник и не подумал сбросить кота, хоть и было больно. Потому что в этот момент корабль перестал существовать.

Он не то чтобы взорвался — если бы Доника попросили объяснить с точки зрения физических законов, что же произошло у него на глазах, он бы предположил, что произошел импловиз — то есть взрыв, вся сила которого была направлена к эпицентру, то есть внутрь, и оттого Доник увидел не вспышку белого пламени, как при взрыве, а ужасающую темноту, сверкающую ослепительную темноту, как занавесом отделившую мир от Доника и заставившую зажмуриться...

Звука не было, и в то же время чуть не лопнули перепонки, так сильно метнулся воздух. Тысячи микроскопических ножек, что шуршали вокруг, в ужасе замерли, и потом их бег возобновился.

Вот и все.

Доник и Барбос остались живы.

Как и многие из пришельцев, которые успели убежать с корабля до взрыва...

По улице, за спиной, разрушая колдовство случившегося, проехала машина, и отблеск ее фар скользнул по близким кустам и стволам деревьев.

Барбос оттолкнулся всеми четырьмя лапами и помчался к дому. Бросил хозяина на произвол судьбы.

И тут Доник услышал щебет. Почти неслышный — будто маленькие птички разговаривали шепотом, чтобы не разбудить соседей.

Ничего страшного или зловещего в этом щебете не было — но каким страшным он показался Донику! Ведь он, Доник, был сейчас единственным человеком на Земле, который знал, что произошло вторжение инопланетян. Совсем не такое, как предполагали сторонники его и противники, но оно уже факт... Словно ты упал. И сломал ногу. И уже не важно, как это случилось и как можно было предотвратить драму. Вот ты лежишь со сломанной ногой, и надо вызывать «скорую помощь»...

Донику следовало уйти — уйти, уехать, убежать, уговорить родителей сесть на первый же поезд и исчезнуть, но он все еще стоял посреди сквера, выполняя роль беззащитной первой жертвы вторжения — именно на нем пришельцы могли испытать свою силу.

Что-то скользнуло по его ботинку, по носку, по ноге под штаниной, словно забрался быстрый муравей. Доник наклонился, чтобы сбросить насекомое, но опоздал — пальцы ничего не отыскали, и тогда Доник понял без всякого сомнения, что это был не муравей, а один из них...

И вот тогда страх сорвал Доника с места и заставил кинуться прочь, через улицу, по асфальтовой дорожке, к открытому подъезду в старом двухэтажном бараке, построенном еще до войны. Его обещали снести, когда жизнь станет лучше и веселее. Но жизнь так и не стала лучше — бараки остались, и в них жили подолгу: семья Доника — уже тридцать лет. Мама, Катька и Доник родились в этом бараке, а бабушка провела в нем молодость. Сначала была одна комната, а в последние десять лет — две комнаты. И бабушка радовалась, потому что помнила, каково было жить с маленькой мамой в одной комнате.

Барбос сидел перед дверью и терпеливо ждал. Он отвел взгляд — ему было стыдно, что он так позорно бросил Доника. Но Доник его не осуждал. Лампочка на лестнице была слабая, пятнадцатисвечовая, Доник осмотрел себя, даже завернул брюки, но ни одного пришельца не отыскал.

— Если бы ты был собакой, — сказал он Барбосу, — наверняка бы унюхал, взяли меня в плен или еще нет.

Барбос смотрел на Доника круглыми, бессмысленными глазами, потом чуть шевельнул верхней губой и тихо сказал: «Мама». Он хотел домой.

Доник полез за ключами, оказалось, что он их не взял. Он позвонил, и открыла Салима — соседка, которая прописалась в бараке недавно и была всем недовольна. И при виде Доника она рассердилась, зачем он так поздно по улицам ходит, людям спать не дает, зачем звонит в дверь как чужой, пугает ее, Салиму.

Салима была низенькой, плотной женщиной с крашенными в оранжевый цвет волосами, она работала где-то продавщицей и всегда приносила большую сумку продуктов. К ней потом приходили родственники и делили эти продукты. Но кое-что оставалось. У Салимы всегда и все можно было купить. Но дорого.

Барбос юркнул мимо ее ног, в темный угол, в коридорные Помпеи, где стояли шкафы, оставшиеся еще от прошлых жильцов, и в них барахло, настолько никому не нужное, что даже выбрасывать его не хотелось.

Шкафы сами по себе поскрипывали, покачивались, шептались и порой, как казалось Донику, менялись местами или даже покидали квартиру, а на их место поселялись другие. Но никто, кроме Доника и Барбоса, не знал их в лицо.

Мать с Катькой — простые души, побежали в кино на индийскую драму о несчастной любви, а бабушка сидела у телевизора и смотрела парламентские дебаты.

— Вы рано вернулись, — сказала она Барбосу, который прыгнул к ней на колени и свернулся, спрятав нос подальше от света и волнений.

— Он космического корабля испугался, — сказал Доник.

— Уже спустились? — У бабушки было чувство юмора. Даже странно, почему она никому не передала его по наследству — ни матери, ни Катьке.

— В сквере, — честно сказал Доник, — на той стороне улицы.

— Большие? Зелененькие? Вчера по телевизору картинки показывали. У людей очень слабая фантазия.

— Я пошел мыться, — сказал Доник.

СОДЕРЖАНИЕ

ЗВЕЗДОЛЕТ В ЛЕСУ	7
ФОТОГРАФИЯ ПРИШЕЛЬЦА	97
ЧЕРНЫЙ САКВОЯЖ	135
ГЕРКУЛЕС И ГИДРА	181
ИНОПЛАНЕТЯНЕ	235